

На правах рукописи

А.Костин

КОСТИН Артем Владимирович

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ДОМИНАНТЫ РАЗВИТИЯ
ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА
В КУЛЬТУРФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ**

**Специальность 24.00.01 – теория и история культуры
(философские науки)**

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук**

3 0 СЕН 2010

Москва - 2010

Работа выполнена на кафедре философии, культурологии и политологии Негосударственного некоммерческого образовательного учреждения высшего профессионального образования «Московский гуманитарный университет»

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор
Флиер Андрей Яковлевич

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор
Козьякова Мария Ивановна

кандидат философских наук
Краснопольская Анна Петровна

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Вятский государственный
гуманитарный университет»

Защита состоится 04 октября 2010 г. в ____ часов на заседании Диссертационного совета Д. 212.154.14 при Московском педагогическом государственном университете по адресу: 119571, г. Москва, проспект Вернадского, д. 88, ауд. 826^а.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале библиотеки в Московском педагогическом государственном университете по адресу: 119992, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1.

Автореферат разослан «____» сентября 2010 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

О. И. Горяинова

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования определяется теми задачами всесторонней модернизации, основанной на ценностях и институтах демократии, которые стоят сегодня перед Россией. Необходимость выхода России на новый уровень цивилизационного развития определяет потребность в формировании инновационной экономики и инновационной культуры, основанной на новейших стратегических и информационных технологиях, опирающейся на идеалы гуманизма и создающей условия для расширения возможностей творческого развития человека.

Вхождение России в информационное общество, стратегия формирования которого фиксируется рядом документов – прежде всего, «Концепцией формирования информационного общества в России» и долгосрочной Федеральной целевой программой «Электронная Россия (2002-2010 годы)» – определяет необходимость его всестороннего исследования. Прежде всего, это связано с тем, что информационное общество является общей формой, наполняющейся в контексте конкретных национальных проектов специфическим содержанием, которое отражается в разработанных членами мирового сообщества национальных стратегиях освоения информационных технологий и разных моделях вхождения в общество этого типа. Необходимость изучения разных моделей социальных отношений в информационном обществе, которые созданы в рамках различных философско-культурологических концепций, принадлежащих как западным, так и отечественным исследователям – определяется разнообразием позиций авторов и иногда принципиальными расхождениями в определении социальной природы данного типа общества.

Необходимость осуществления в России всесторонней модернизации и построения инновационной экономики как условия обеспечения лидерских позиций в мире, определяет актуальность рассмотрения тех аспектов информационного общества, осмысленных в культурфилософских исследованиях, которые связаны с его социокультурными особенностями. В диссертации анализируются те из них, которые связаны с такими доминантами его развития, как:

- открытый характер функционирования информации;
- стремление общества к повышению общего уровня знания;
- увеличение творческой активности человека;
- интенсификация связей и взаимодействий;
- активное развитие сферы высоких технологий и возможность их применения для нейтрализации глобальных проблем;
- стремление к социальной справедливости;
- создание глобального сетевого пространства с его особыми пространственно-временными характеристиками;
- процессы демассификации и дестандартизации и т.д.

Ориентация на гуманистические идеалы, стремление к улучшению качества жизни человека предполагает преодоление негативных особенностей развития общества, основанного на информационном ресурсе. А это вызывает необходимость изучения не только самого информационного общества в обозначенном аспекте, но и культурфилософской литературы, отражающей его основные

социокультурные доминанты. Такая необходимость определяется, в значительной степени, тем, что само культурфилософское знание, в существенной мере, развивается как знание, обусловленное социокультурным контекстом, где проблематизации подвергаются те феномены и явления, осмысление которых может способствовать пониманию целого ряда актуальных проблем современного развития. Более того, разрешение этих научных проблем, в значительной мере, определяется как исследовательской и идейно-мировоззренческой позицией автора – его принадлежностью к научной школе и определенной методологии, которые во многом детерминируют ведущий вектор исследования и направленность его выводов и рекомендаций, – так и доминирующими в обществе установками, идеологией, ценностными системами, культурными доминантами. В этом смысле культурфилософское знание само выступает как феномен, культурно обусловленный, изучая который можно составить определенное, достаточно достоверное представление о содержании конкретной культурной эпохи. Социокультурные доминанты развития информационного общества предстают как некие константные формы, не только наполняемые конкретным содержанием в границах различных цивилизационных систем, но и получающие специфическое осмысление в границах различных исследовательских парадигм. Их изучение может способствовать пониманию процессов, связанных с вхождением в информационное общество, которые разворачиваются сейчас в России – особенно, это касается вопросов, связанных с социальными и культурными аспектами его развития.

Степень научной разработанности темы. Несмотря на то, что понятие «информационное общество» было введено в научный оборот в 1960-х годах, основные исследования по данной проблематике, в том числе, связанные с социокультурной дифференциацией, начали появляться десятилетие спустя. Основными здесь стали работы, Д. Белла, Э. Тоффлера, Э. Шилза, Ж. Фурастье, Р. Лэйна, А. Турена, Дж. К. Гэлбрейта, З. Бжезинского, Й. Масуды, М. Кастельса, Ф. Уэбстера, которые были выдержаны в смысловых границах *постиндустриальной теории*.

В методологическом плане для написания диссертации оказалась важными работы, где раскрыты нелинейные зависимости формирования социокультурных групп в информационном обществе. Они исследованы в работах представителей *синергетической и постмодернистской парадигм*. Основные положения первой представлены в трудах И. Пригожина, Стенгерс, Г. Хакена, Н.Н. Моисеева, Г.Г. Малинецкого, С.П. Курдюмова, Е.Н. Князевой, Г.Г. Малинецкого, А.А. Самарского, Е.Я. Режабека и других ученых, где показано, что развитие социальных процессов на современном этапе соответствует, в большей степени, нелинейным принципам в границах систем, управляемых иерархической структурой взаимосвязей – «синергий». Работы постмодернистов – У. Эко, Ж. Бодрийара, Ж. Делеза, Ф. Гваттари, С. Жижека и других – позволяют осмыслить информационное общество в границах понимания, акцентирующего внимание на таких особенностях формирования социокультурных отношений в информационном обществе, которые обусловлены ризоматичностью его основных структур – социальных, финансовых, сетевых и прочих, соответственно – отсут-

ствием четкой иерархии, децентрацией информационных потоков и т.п. При осуществлении исследования также учитывались работы, где рассматривается феномен превращения специфического культурного явления в предмет научного анализа или философской рефлексии, что свидетельствует об изменении не только культурфилософского дискурса, но и самой социокультурной реальности, им отражаемой. Этот феномен обозначается как «проблематизация» и исследуется в работах М. Фуко. Ж.-Ф. Лиотара, Р. Барта и др.

Процессы, связанные с развитием социальных отношений в обществе, в том числе, в сетевом, проанализированы в работах А.С. Алкаева, Т.Г. Богатыревой, И.М. Быховской, М.Н. Губогло, Л. Гудкова, М.Г. Делягина, Л.М. Дробижевой, Д.Н. Замятина, Т.И. Заславской, А.Г. Здравомыслова, Р.В. Рывкиной, М. Кастельса, А.И. Ковалевой, В.В. Коротеевой, Т.Ф. Кузнецовой, Ю.А. Левады, Вал.А. Лукова, И. Орловой, О.Б. Скородумовой, Г.У. Солдатовой, А.И. Шендрика, А.Я. Флиера, Е.Н. Шапинской, И.А. Мальковской, Т.Б. Щепанской, К.А. Нордстрема, Й. Риддерстрале, В.А. Ядова и др. В них отмечается повышение социокультурной активности современного человека, констатируется увеличение разнообразия социокультурных практик, выделяются характеристики тех социальных групп, которые находятся на вершине и у основания социальной лестницы.

Анализ процессов развития культуры в информационном обществе осуществляется на основе работ Д. Белла, Р. Инглхарта, У. Митчелла, Э. Тоффлера, П. Дракера, Ф. Фукуямы, Ж. Липовецки, Д. Янкелевича, В.Л. Иноземцева, А.И. Добрынина, Г. Мкртчян, Э. Вильховченко. Исследование ценностного содержания культуры различных групп в информационном обществе осуществляется на основе работ М.С. Кагана, В.П. Тугаринова, С.Ф. Анисимова, Л.Н. Столовича, О.Г. Дробницкого и других ученых, развивающих аксиологический подход, в противовес прагматическому. В диссертации также учитываются работы по социокультурной динамике российского общества А.С. Ахизера, С.И. Долгова, А.А. Зиновьева, В.Л. Иноземцева, А.Н. Панарина, В.И. Супруна, А.И. Уткина, В.Г. Федотовой и др., способствующие прояснению специфики социокультурных отношений в России.

Вопросы, связанные с обусловленностью различных социокультурных тенденций глобализационными процессами, отражаются в работах западных и отечественных ученых – Дж. Стиглица, Э. Валлерстайна, Дж. Сороса, П. Бергера, Р. Робертсона, Дж. Розенау, Э. Гидденса, М.Г. Делягина, О.Н. Астафьевой, М.И. Козьяковой, А.С. Панарина, И.М. Ильинского и других авторов, которые вскрывают противоречивые тенденции глобализации, отмечают, что глобализация сочетается с процессами локализации, а в мировом масштабе организуется новая система государств, состоящая из трех групп: богатых, к ним примкнувших и выброшенных на обочину истории. П. Бергер, С. Хантингтон, Р. Робертсон, М. Фичерстоун, Т. Аоки, Т. Шринивас, Х. Кельнер, Х.-Г. Зофнер, Я. Ковач, А. Талавера, Ф. Кейман отмечают, что процессы ослабления национальных культур сопровождаются процессами активного этностроительства, где глобальное сочетается с локально-этническим.

Проблема социокультурной дифференциации в информационном обществе и различных видов неравенства отражена в фундаментальных трудах Й. Масуды, Э. Тоффлера, М. Кастельса, Т. Бернса, Р. Дарендорфа, П. Дракера, Дж. Пахульски, А. Этциони, Р. Беллах, А. Турена, Д. Белла, М. Голдмана, С. Гутмана, Дж. К. Гэлбрейта, Э. Дайсона, Е.В. Денискина, П. Дракера, В.Л. Иноземцева, М. Кастелса, И. Комарова, С.Г. Михневой, И.А. Негодаева, М. Петрова, И.А. Попова, К. Реннера, И.А. Смольникова, Л.Б. Скородумовой, П. Химанен, Дж. Ходжсона и др., посвященные исследованию социокультурных процессов в информационном обществе, связанных с превращением знания и информации в основной производственный ресурс и основу социальной и культурной дифференциации.

Несмотря на значительный объем исследований по информационному обществу, проблема в указанной ракурсной постановке остается не разработанной до сегодняшнего дня. Не выяснены принципиальные различия в рассмотрении социальной стратификации в рамках постиндустриалистской, а также синергетической и постмодернистской парадигм; не до конца изучен вопрос, связанный с различием трактовки двух систем ценностей – «экономических» и «постэкономических», определение причин формирования которых существенно различается у разных авторов; не проясненным остается вопрос относительно основных векторов развития идентичности, в границах разных концепций трактуемый различным образом; не определены в должной степени обстоятельства и контекст обоснования принципиально различных тенденций развития информационного общества – в перспективе либо «справедливого» общества (Дж.К. Гэлбрейт, Р. Беллах), либо общества, усиливающего неравенство (А. Турен, Р. Дарендорф, П. Дракер, В.Л. Иноземцев); либо общества знания (Д. Белл, Й. Масуда и др.), либо общества «ничегонезнаек» (И. Валлерстайн). Все сказанное свидетельствует об «открытости» проблемы, связанной с отражением социокультурных доминант развития информационного общества в культурфилософской традиции.

Гипотеза исследования: информационное общество как понятийный конструкт, раскрывает свое содержание в соответствии с определенной исследовательской парадигмой. Одна из основных социокультурных доминант информационного общества, связанная с социокультурной дифференциацией, различным образом осмысливается в границах постиндустриалистской исследовательской теории с ее доминирующей линейной логикой и в границах синергетического и постмодернистского направлений мысли с их принципиальной настроенностью на трактовку развития как нелинейного. Информационное общество в контексте первой системы рассматривается как общественная организация, основанная на социальных отношениях, имеющих иерархический порядок, где наличие такого производственного ресурса, отличающегося неистощимостью и открытостью, как информация, приводит к образованию двух классов – интеллектуальной элиты («меритократии»), выступающей в качестве основного субъекта общественного развития, производящей информацию и знание, и «низшего класса» («underclass'a»), не допущенного к процессу создания социальных благ и потому утрачивающего качества субъекта социальных процессов. Подобное неравенст-

во обусловлено социальными факторами (материальным состоянием, местом проживания), человеческими ресурсами (способностями, темпераментом, мерой креативности), разделяемыми ценностями (материалистическими, постматериалистическими), неравным доступом к качественному образованию, а также таким специфическим свойством функционирования самой информации, как избирательность, означающим всеобщность доступа к информации в сочетании с ограниченностью возможности ее адекватной интерпретации.

В контексте синергетической и постмодернистской теорий подчеркивается нелинейность связей и процессов в информационном обществе, где основные социокультурные тенденции развития предстают как поливариантные и разнонаправленные: отношения социокультурного неравенства отчасти преодолеваются значительной вариативностью развития на микроуровнях; практики взаимодействия в Сети, навязываемые информационной элитой, предельно расширяются за счет инициативы многочисленных сетевых сообществ; недоступность элитного образования для некоторых категорий граждан отчасти снимается возможностями Интернета по предоставлению доступа к дистантному и самообразованию. При этом фактором социальной справедливости в границах конвенционально определяемого неравенства в информационном обществе становится не сословная принадлежность, не экономическое положение, а культура, приобщение к которой становится условием социальной востребованности.

Таким образом, мы видим, что исследователи, принадлежащие к разным методологическим школам, понимают, что в информационном обществе параметры социальной справедливости неизбежно изменятся. Но в вопросе о том, станут ли они более элитарными или плюральными, мнения расходятся, поскольку определяются, прежде всего, теоретической позицией, на которой стоит тот или иной автор – научно-технологической (организация самого знания) или социально-коммуникативной (организация доступа к знанию).

Объектом исследования является культурфилософское знание, позволяющее осмысливать наиболее общие закономерности развития общественных систем в их социальных и культурных аспектах.

Предметом исследования выступает отражение и систематизация социокультурных доминант развития информационного общества в культурфилософской рефлексии.

Целью исследования является построение системной модели различных представлений о социокультурных доминантах информационного общества, отражающей то, в какой мере они обусловлены, с одной стороны, объективно – наблюдаемыми социальными процессами и потребностями социокультурного развития, а с другой, субъективно – научно-парадигмальным контекстом, в котором работает тот или иной автор.

Реализация этой цели предполагает решение следующих задач:

- рассмотреть гносеологические (эпистемологические) возможности изучения социокультурных доминант информационного общества, предоставляемые постиндустриалистской, синергетической и постмодернистской парадигмами;
- выявить противоречия развития информационного общества, выделяемые в различных научных концепциях и исследовательских подходах;

- исследовать зависимость социокультурной дифференциации в информационном обществе от таких свойств информации, как, с одной стороны, неистощимость и бесконечность, а с другой – недоступность и закрытость – и рассмотреть осмысление этих процессов в границах различных исследовательских ракурсов;

- проанализировать различные подходы к трактовке образования в информационном обществе;

- изучить аксиологическое пространство культуры информационного общества, выделив концепции, акцентирующие значимость «постматериалистических» ценностей и определяющие их взаимоотношение с традиционными «материалистическими»;

- проанализировать тенденции развития информационного общества, связанные, с одной стороны, с формированием глобальной информационной элиты, с другой – с появлением сетевых сообществ, основанных на локальных идентичностях;

- рассмотреть процессы социальной дифференциации в сетевом пространстве как отражение либо коммуникативного неравенства, либо социального равенства.

Методология исследования определяется целью и задачами работы. Основным в данной работе является культурно-философский подход, предполагающий применение к исследованию явлений культуры философского уровня обобщений. Исследование опирается на проблемный принцип, предполагающий полидисциплинарность и междисциплинарность, и базируется на понимании того, что и философия и культурология выступают в качестве способа консолидации знания и функционируют в качестве интегративных знаниевых систем. Такой подход обусловлен стремлением исследовать информационное общество в аспекте отражения совокупности социокультурных доминант его развития в культурно-философском знании.

Исследование опирается на постиндустриалистский, синергетический, постмодернистский подходы, которые позволяют анализировать различные аспекты и параметры информационного общества. Это позволяет рассматривать социальные процессы в информационном обществе с точки зрения, как классического линейного детерминизма, так и постнеклассической теории, а также постмодернистской «идеологии сомнения». В своем культурологическом аспекте работа ориентируется на структурно-функциональную и отчасти структуралистскую методологию.

В качестве основных **методов** исследования выступают сравнительно-сопоставительный (компаративный), аналитический, исторический, системно-структурный, метод теоретического моделирования, которые привлекаются в зависимости от решения конкретных задач исследования.

Научная повизна диссертационного исследования состоит в следующем:

- проанализированы постиндустриалистская, синергетическая и постмодернистская парадигмы в аспекте тех возможностей, которые они предоставляют для изучения социокультурных процессов в информационном обществе, имеющих как линейный, так и нелинейный характер;

- на основе анализа различных научных и философских теорий выделены противоречия развития информационного общества, связанные с развитием сфер образования, коммуникации, информационных, в том числе, сетевых, технологий, а также с функционированием культуры как аксиологической сферы и как основания идентификации;

- исследована зависимость социокультурной дифференциации в информационном обществе от характеристик информации и выделены основные исследовательские позиции, где акцентируется либо возможность сглаживания отношений социального неравенства, обусловленная такими качествами информации, как открытость, неистощимость и бесконечность, либо – неизбежность усиления социального неравенства, обусловленного социальными факторами (материальным состоянием, местом проживания), человеческими ресурсами (способностями, темпераментом, мерой креативности), разделяемыми ценностями (материалистическими, постматериалистическими);

- выделены два подхода к формирующимся в информационном обществе «постматериалистическим» ценностям и традиционным «материалистическим», где в первом акцентируется неизбежность постепенной и безконфликтной смены одного типа ценностей другим, во втором – подчеркивается возможность их конфликта, выступающая в качестве первопричины социальных катаклизмов;

- определено, что глобальное информационное общество регулируется как тенденциями универсализации, проявляющимися, в том числе, в создании глобальной информационной элиты, так и тенденциями локализации, что проявляется в формировании сетевых сообществ, отражающем расширение степеней свободы общества;

- проанализировано сетевое пространство в аспекте социальной дифференциации, на основании чего выделены две исследовательские позиции: в первой акцентируется иерархический принцип соотношения сетевой элиты и сетевых сообществ, усиливающий тенденции социокультурного неравенства, во второй – ризоматический принцип организации сетевого пространства, снимающий отношения неравенства.

Теоретическая значимость исследования определяется его научной новизной и состоит в обосновании положения об обусловленности содержания культурфилософского знания об информационном обществе и самой процедуры проблематизации предмета целой совокупностью обстоятельств:

- общим характером эпохи с ее идеологическим содержанием, ставшей контекстом исследования,

- объективно наблюдаемыми социальными и коммуникационными процессами,

- принадлежностью автора к той или иной исследовательской парадигме,

- определенными социальными задачами, которые он решает, и пр.

Практическая значимость исследования состоит в том, что положения диссертации могут быть использованы для дальнейшей разработки проблематики социальных отношений в информационном обществе. Основные положения и выводы проведенного исследования могут использоваться при разработке программ культурного и социального развития, в преподавательской деятельности

сти по профилям: философия культуры, теория культуры, социология культуры, массовая культура, история культуры (современный этап), межкультурные коммуникации.

Положения, выносимые на защиту:

1. Информационное общество является системой высокой сложности, поэтому все процессы, в нем происходящие, подчиняются и законам классического детерминизма и тем закономерностям, которые отражают спонтанность многих процессов и их индетерминизм. В контексте постиндустриальной теории эти процессы получают трактовку в качестве обусловленных эволюционной логикой развития общества по пути технологического прогресса. Эвристичность этого подхода, в рамках которого генезис общества и культуры рассматривается как подчиненный линейной логике развития, состоит в возможности прогнозирования развития культуры, основанного на прогнозировании развития технологий. В контексте синергетической и постмодернистской парадигм, основанных на утверждении нелинейности связей и спонтанности процессов, информационное общество рассматривается как результат определенной флуктуации, не обусловленной непосредственно логикой предшествующего развития. Преимущества этого подхода состоят в возможности выявления тех социокультурных процессов в информационном обществе, которые носят противоречивый характер и которые ориентируются не на иерархический принцип, а на принцип рядоположенности.

2. Информационное общество обладает целым рядом противоречий развития социокультурной сферы, среди которых выделяются:

- процессы активного развития сферы высоких технологий, сопровождающиеся, однако, ростом неквалифицированного труда на нижних ступенях социальной лестницы;
- стремление, к социальной справедливости и «хорошему» или «справедливому» обществу и неравномерное распределение материальных благ;
- возможность применения новых технологий для разрешения многих из глобальных проблем современности и их реальная направленность на повышение прибыли;
- расширение коммуникационной сферы и упразднение пространства подлинной коммуникации в каналах трансляции массовой информации; стремление к формированию общества с едиными идейными и ценностными установками и резкое его размежевание на тех, кто разделяет «экономические» и «постэкономические» ценности;
- стремление к созданию глобальной культуры и актуализация традиционных смыслов культуры, сопровождающееся формированием наднациональных и локальных идентичностей и т.п.

3. В исследованиях информационного общества, появившихся в 1970-х - начале 1980-х гг., доминировала оптимистическая трактовка социальных тенденций его развития и доказывалась возможность сглаживания или даже преодоления отношений социального неравенства, обусловленная тем, что информация, в отличие от иных ресурсов, характеризуется такими качествами, как неистощимость и бесконечность, а, следовательно, является наиболее демокра-

тичным социокультурным ресурсом. С конца 1980-х гг. становится очевидным, что тенденции информатизации не только не снимают, но даже усиливают социальное неравенство. Исследователи акцентируют внимание на том, что наиболее актуальная с социальной и научной точки зрения информация в информационном обществе является наименее демократичным ресурсом как обладающая таким специфическим свойством функционирования, как избирательность, означающим всеобщность доступа к информации в сочетании с ограниченностью возможности ее адекватной интерпретации. То есть, основанием для социальной дифференциации в информационном обществе становится не сословная принадлежность, не экономическое положение, а человеческий потенциал.

4. В информационном обществе стремление к экономическому лидерству в значительной мере дополняется (а иногда и заменяется) стремлением к лидерству интеллектуальному, а финансовое превосходство начинает устойчиво ассоциироваться с интеллектуальным превосходством. Эти позиции закрепляются в новой системе «постэкономических» ценностей (ценности креативного труда, творческой подвижности и способности к инновациям, сердечности, доверительности, искренности, обаяния) и императивов творческой активности (стремления освободиться от предписанных обществом ролей и социальных правил), содержание которых связано с преодолением экономической мотивации деятельности, приобретающей все более творческий характер. В рамках исследовательского подхода, опирающегося на линейную логику, акцентируется неизбежность вытеснения экономических ценностей постэкономическими. В рамках подхода, принимающего нелинейную логику, доказываемая, что различия систем ценностей и мотиваций деятельности как культурные различия становятся новым конфликтопорождающим фактором, основанным на соотношении ценностей «монетарных» и «немонетарных». Явное присутствие в обществе двух групп, исходящих из экономического и социального императивов, приводит к присутствию в обществе различных же критериев успеха (финансовое богатство – интеллектуальное лидерство), разных принципов и целей (личная выгода – гуманистические нормы), разной этики (утилитарной - экзистенциальной).

5. В информационном обществе как сетевом обществе одними из наиболее важных являются проблемы цифрового и сетевого неравенства. В литературе по проблеме выделяются две исследовательские позиции. В первой акцентируется иерархический принцип устройства Сети, выделяются основные страты: глобальная элита сетевого общества, выступающая как субъект контроля над определенными участками Сети, глобальными сетевыми структурами капитала, управления и информации, и «underclass», становящийся объектом контроля и вынужденный осуществлять свою деятельность в формах, предлагаемых информационной элитой. В рамках второго исследовательского подхода делается акцент на ризоматическом принципе организации сетевого пространства, основанном на его децентрализации и денерархизации и снимающем отношения неравенства.

Вследствие этого в Интернет-пространстве ярко проявляется социокультурная активность, выступающая в формах сетевого творчества и различных

практик самопрезентации, что позволяют этому классу проявлять свою субъектность. Культурный потенциал этих малых социальных групп значителен, а смысл существования подобных сообществ состоит в том, чтобы на групповом и индивидуальном уровне накапливать разнообразный социокультурный опыт. В информационном обществе, включающем в производственную практику ограниченную часть граждан, подобные сообщества становятся площадками самопрезентации, позволяющими их участникам реализовать накопленный ими социальный, культурный и коммуникационный капитал.

6. Решение любой теоретической проблемы в границах культурфилософского знания, в том числе, по проблемам особенностей развития социокультурной сферы информационного общества, осуществляется в определенном социокультурном контексте, в границах конкретной исследовательской парадигмы. Конечно, взгляды исследователя не полностью детерминированы социально-культурными и научно-исследовательскими обстоятельствами. Однако сам факт пребывания автора в определенной ситуации (как в социокультурной, так и в научно-парадигмальной), в границах которой активно функционируют сложившиеся модели мышления, поведения, идеологические установки, объяснительные схемы, в существенной мере определяет границы и специфику его восприятия всех явлений социокультурной действительности. В связи с усилением в XX-XXI веке культурного влияния на развитие общества усиливается и обусловленность знания о культуре социокультурными факторами, что определяет необходимость исследования не только самих явлений и их специфических аспектов (в данном случае – социокультурных доминант информационного общества), но и анализа тех культурфилософских моделей, которые различным образом отражают эту реальность.

Апробация работы:

Основные идеи диссертации нашли отражение в 12 опубликованных автором научных статьях, включая три публикации в журналах, входящих в перечень изданий ВАК Минобрнауки РФ для кандидатских диссертаций.

Результаты исследования докладывались на научных конференциях: Международной научной конференции «Культура информационного общества: противоречия становления и развития» (Москва, 2009 г.); Международной научно-практической конференции «Политические и правовые проблемы становления и развития государства в постсоветском пространстве» (Харьков, 2009); Международной научной конференции «Формирование национально-культурной идентичности в современной России» (Москва, 2010 г.); Международной научной конференции «Культура глобального информационного общества: противоречия развития» (Москва, 2010 г.); XIV и XV Конференциях аспирантов и докторантов (Московский гуманитарный университет, 2009 г., 2010 г.).

Результаты исследования используются при чтении лекций студентам и аспирантам Московского гуманитарного университета в курсах: «Социология культуры», «Культура массового и элитарного».

Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета (9 марта 2009 г., протокол № 8).

Структура диссертации. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, заключения, и списка литературы.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы и научная новизна работы, излагается гипотеза диссертационного исследования, определяются его цель, задачи и методологическая база.

Глава I «Ведущие социокультурные доминанты развития информационного общества: социально-иерархический, информационно-знаниевый, аксиологический аспекты» – посвящена анализу основных тенденций развития социокультурной сферы информационного общества.

В параграфе 1.1. «Исследование информационного общества в контексте постиндустриалистской, синергетической, постмодернистской парадигм» – анализируются ведущие модели информационного общества, созданные в рамках классической и постклассической диалектики, методологический потенциал которых позволяет охватить основные связи и закономерности развития общества подобного типа. Наиболее естественным образом концепция информационного общества вписывается в рамки постиндустриальной парадигмы, где информационное общество либо отождествляется с постиндустриальным, либо трактуется как стадия его развития. В качестве основы информационного общества представляется ориентация на такой основной экономический ресурс развития, как знание и информация, выступающий в качестве одного «из главных видов сырья», причем «неисчерпаемого» (Э. Тоффлер). Это позволяет авторам трактовать информационное общество как высшую стадию общественного развития (Й. Масуда), как общество «третьей волны», «супериндустриальное общество», «сверхиндустриальную цивилизацию» (Э. Тоффлер), «информациональное общество» (М. Кастельс). В рамках постиндустриалистской теории развитие человека и общества представляется как процесс эволюционный, направленный в сторону усложнения технологий и оптимизации человеческих связей. О непосредственной взаимозависимости технологической сферы и социокультурной, по мнению авторов, свидетельствует движение общества от первой – к третьей «волне» (Э. Тоффлер), от доиндустриального развития – к постиндустриальному (Д. Белл), от предмодернистского этапа социального развития – к постмодернистскому (С. Лэш, С. Крук), от капиталистического общества – к посткапиталистическому (П. Дракер), от модернизации – к постмодернизации (Р. Ингледарт). Соответственно, в рамках этого подхода в качестве основных социокультурных доминант развития информационного общества рассматриваются: повышение уровня информационной коммуникабельности; глобализация сознания; интеллектуализация общества и ориентация на такой социальный институт, как университет; изменение социальных отношений в сторону профессиональной дифференциации; повышение уровня социальной справедливости; технократизация общества и, вместе с тем, ориентация на гуманитарные ценности; изменение стиля жизни, приобретающего все более индивидуализированный характер («домоцентризм», по Э. Тоффлеру); ориентация социального развития и культуры не на производственно-технический

прогресс, а на человека и «качество жизни» (по Дж.К. Гэлбрейту). Таким образом, информация выступает не только как фактор экономического развития, но и как общественная категория, обозначающая общественное благо, способное трансформировать все сферы человеческой жизни - образование, досуг, профессиональную, экономическую, политическую деятельность, реализацию политической активности, сферу досуга (Й. Масуда).

Параллельно постиндустриальной теории с ее определяющей линейной трактовкой явлений социокультурной жизни и тесно связанной с эволюционным подходом развиваются и те теории, где интерпретация процессуальности в живой и неживой материи опирается на нелинейные принципы, акцентируется сложность, многообразие и разнонаправленность этих тенденций. Основными становятся синергетическая и постмодернистская парадигмы, появление которых соответствовало трендам мирового развития, определившим: потерей прежних источников развития; противоречиями между глобальными тенденциями и предельной вариативностью развития на микроуровнях; разрушением индустриальной классовой структуры; плюрализмом культурных форм; появлением многочисленных социальных и религиозных общностей. Все эти тенденции привели к появлению в рамках постнеклассической парадигмы новых теорий, одной из которых стала синергетическая. Синергетический подход, представляя все процессы (в том числе, социальные) как процессы самоорганизации, позволяет рассматривать появление информационного общества не как факт, обусловленный эволюцией от традиционного, индустриального и постиндустриального общества, а как следствие бифуркационного перехода. Синергетическая теория позволяет, опираясь на принципы нелинейности, обосновать наличие в информационном обществе таких социокультурных доминант, которые отличаются существенной противоречивостью. Это: открытость доступа к информации и ее недоступность для широкого понимания и трактовки; стремление к распространению знания и увеличение числа тех, кто оперирует его суррогатами; наличие «информационной» элиты, ограничивающей пространство самореализации тех, кто к ней не принадлежит, и повсеместная творческая активность пользователей Сети; возможность реализации свободы самовыражения, предоставляемой Сетью, и появление людей «виртуально зависимых»; возможность применения новых технологий для разрешения многих из глобальных проблем современности и их реальная направленность на повышение прибыли; преодоление времени режимом on-line и создание пространства «вне-времени» и «вне-историчности» и т.п.

Методологический подход, практически «конгруэнтный» синергетическому (М.А. Можейко), представлен постмодернистскими культурфилософскими исследованиями. Постмодернизм, ставший реакцией на эпоху, содержание которой определяется отказом от ценностей модерна, основан на плюрализме – принципе существования современного общества как общества с усилившимся культурным многообразием в условиях информационной коммуникабельности. Постмодернизм отразил разрушение традиционных структур общества, основанных на иерархичности, и утверждение принципа децентрации, опирающегося на ризоматический характер социальных связей. В границах постмодернизма

та фундаментальная противоположность, которая всегда отличала мир природы от мира культуры как мир естественного от мира искусственного, снимается. Это обстоятельство, среди прочих, приводит к исчезновению дуальных оппозиций, где в науке становится не актуальным противопоставление истинного и ложного, в искусстве – высокого и низкого, в культуре – элитарного и массового, в политике – правого и левого, в этике и аксиологии – добра и зла. В ситуации, где «приемлемо все», человек теряет прочные константы и ориентиры и приспосабливается к ситуациям, создавая мобильную идентичность.

Таким образом, постмодернистская парадигма представляет иной образ информационного общества, позволяя выделить следующие его социокультурные доминанты: сетевой характер связей, приобретающих образ ризомы; изменение функциональной природы средств массовой коммуникации, которые начинают выступать не как источник информации о реальности, а формировать симуляционную реальность (Ж. Бодрийар), где единицей передачи информации становится «симулякр» – знак, автономный от референтов; специфическое понимание культуры не как сферы идеального, а как «способа проживания» («the total way of life»), как процесса обмена социально значимой информацией и фиксации тех значений, которые на данный момент являются наиболее актуальными; восприятие информации и технологии как субстанциональной основы мира (В.А. Кутырев), что привело к утрате человеком идентичности и разрушению его целостности и нашло отражение в таких понятиях, как «смерть субъекта» и «смерть Автора»; стремление участвовать в природной эволюции человека, не только улучшая его тело при помощи различных искусственных процедур, но встраивая в него различные элементы неживой природы наподобие чипов и заменяя *Homo sapiens* как природно-социальное существо кибер-органическими системами типа «гомутер» (гомо + компьютер).

Параграф 1.2. – «Социокультурная дифференциация в информационном обществе: от сословного и экономического принципов – к информационно-знаниевому» посвящен осмыслению нового типа социальных отношений, порожденных переходом от технократической к антропоцентрической организации производства, нацеленной на активное использование человеческих ресурсов. В большинстве исследований подчеркивается, что данный тип общества создает достаточно демократичные условия для конкуренции и всесторонние условия для развития личности. Предпосылкой этого является доступность основного ресурса общества – информации, обладающей свойством неистощимости. Исследователи считают, что в новом обществе будут сформированы новые социальные отношения, что находит отражение в таких его названиях, как «постбуржуазное» (Г. Лихштейн), «пострыночное» (Т. Бернс), «посткапиталистическое» (Р. Дарендорф), «постпредпринимательское» (П. Дракер), «конвенциональное» (Дж. Пахульски), «активное» (А. Этциони), «хорошее» (Р. Беллах), и позволяет говорить об информационном обществе как о «справедливом» или «хорошем обществе» («The Good Society») (Дж. К. Гэлбрейт). Именно ориентация на информационное развитие позволяет трактовать формирование новой социальной иерархии в обществе, основанном на ресурсе знания, как результат последовательной смены сословных принципов, определяющих отношения

собственности в доиндустриальном обществе, экономическими в индустриальном и, затем, информационными, основанными на способности индивида и социума быстро и без потерь передавать и принимать информацию.

Однако ряд исследователей – А. Турен, Р. Дарендорф, П. Дракер, В.Л. Иноземцев – отмечает противоречивую природу информационного общества и критикует новые социальные отношения, основанные на «цифровом» неравенстве. Авторы показывают, что ориентация на создание продукта, представленного знаниями и информацией, существенно изменяет содержание социальных процессов и социальных иерархий, положение в структуре которых определяется не сословным или экономическим статусом, а способностью к генерации знания. В значительной степени источником этих противоречий является сам характер информации. С одной стороны, доступ к информации, благодаря средствам массовой коммуникации и сетевым технологиям, открыт всем. С другой стороны, любая информация, а особенно, та, которая является источником научного и социального развития, требует осмысления, и в этом смысле она для многих остается закрытой и недоступной. Это связано с тем, что для освоения информации, стремительно обновляющейся, необходимо не только качественное образование и профессиональный опыт, но и определенные качества личности – повышенная креативность, ментальная мобильность, умение быстро обучаться новому, отсутствие догматизма в мышлении, диалектичность и диалогичность, настроенность на понимание процессов, а не их поверхностное восприятие.

Все это приводит к формированию новых оснований для формирования культурного потенциала различных социальных групп; новых социальных отношений, где полярные рубежи в общественной иерархии начинают занимать «меритократия» и низший класс – «underclass» (А. Турен, П. Дракер); нового типа экономической власти, которую олицетворяет не столько должность или управленческая функция, сколько умение анализировать и генерировать информацию (В.Л. Иноземцев), информированность о том, где получить сообщение и знание о том, как его использовать. При этом, класс интеллигентов, не нарушая принципов справедливого распределения, присваивает общественное богатство, не позволяя низшему классу выступать в качестве самостоятельного субъекта социального процесса, а само информационное общество оказывается уникальным в том смысле, что в нем впервые в истории основным критерием принадлежности к высшему классу является не доступ к благам, а способность их производить и умение их использовать.

Таким образом, в информационном обществе социальное противостояние не сглаживается, а усиливается, что связано с увеличением в обществе не только информации, но и энтропии. И возникает это противостояние между людьми, обладающими определенными характеристиками и уникальными навыками, и людьми, не имеющими таковых. То есть, информационное общество проявляет тенденцию к усложнению – к увеличению числа элементов системы и к усложнению законов ее развития. Фактически в этом факте проявляется уникальность информационного общества как специфической системы, возникающей в результате качественного скачка в истории человечества. Есть еще один важный

методологический аспект анализа социальных отношений в информационном обществе связан с основополагающим тезисом постиндустриалистской парадигмы о превращении знания и информации в основной производственный и социальный ресурс. Убедительный пример анализа современного информационного общества с позиций постмодернизма представляет подход Д. Иванова, который отказывается от отождествления знания и информации. По мнению исследователя, в информационном обществе главным является не объем информации, а способы ее трансляции и практики введения в процесс функционирования. Сам же характер активности в информационном обществе определяется не содержанием информации, а ее «операциональностью». Соответственно, информация понимается как коммуникация, побуждающая к действию, а информированность – не как обладание большим объемом знаний, а участие в большем числе коммуникаций. Наиболее ярким воплощением так понимаемой информации является Интернет – символ информационного общества, который существует не как накопитель информации и знания, а как источник трансакций. Соответственно, социальная значимость человека определяется не его объемом знаний, не научным статусом, не количеством трудов, не реальными достижениями, связанными с использованием и продуцированием знания, а активностью его коммуникации. По существу, в рамках такого подхода социальная структура информационного общества рассматривается как основанная на неравном распределении самих человеческих возможностей. Это приводит к тому, что современная ситуация классового противостояния приобретает такую остроту, какой не знало ни аграрное, ни индустриальное общество.

В параграфе 1.3. рассматривается «Образование в информационном обществе как социальный и культурный ресурс», как одна из самых обширных сфер человеческой деятельности, в которой занято более миллиарда учащихся и почти 50 млн. педагогов и в границах которой осуществляется функция накопления и трансляции знаний последующим поколениям. По мнению Генерального директора ЮНЕСКО Коиширо Матсуура, «не может быть информации для всех без образования для всех». Поскольку образование в информационном обществе выступает в качестве ведущего фактора социального и экономического прогресса, постольку требования к образованию существенно изменяются. В связи с переходом от трудового общества к обществу с творческой деятельностью происходит изменение и самого работника, когда на второй план отходит модель взаимозаменяемости персонала и повышается спрос на людей, умеющих принимать быстрые и правильные решения и обладающих такой формой критической компетенции, которая состоит в умении отбирать и усваивать новую информацию. В связи с этим еще в 1977 году в США было введено понятие «информационная грамотность», предполагающее, что информационно-грамотным человеком является личность, способная выявить, оценить информацию и наиболее эффективно ее использовать.

Рыночная экономика предъявляет достаточно жесткие требования к квалификации сотрудников, что вынуждает фирмы и корпорации осуществлять постоянный мониторинг качества персонала. Между тем, число некомпетентных технических специалистов увеличивается с каждым годом и, согласно данным

исследований компании e-Skills UK, уже превысило пятьдесят процентов. В условиях информационного общества, переход к которому, по прогнозам ученых, может окончательно завершиться в России – к 2050 г., в США и Японии – в 2020 г., в ведущих странах Западной Европы – в 2030 г., к образованию предъявляются новые требованиями. Поскольку современные информационные технологии, равно как и технологии управления, меняются непрерывно, где переход к новым поколениям техники осуществляется каждые три года, постольку процесс приобретения знаний в информационном обществе должен также носить непрерывный характер. Большое время адаптации образовательной системы к изменениям в практической деятельности фирм и корпораций становится причиной дефицита высококвалифицированных специалистов во всех сферах информационной экономики.

В России большие ожидания в сфере образования связаны с созданием единой информационной системы образования (ЕИСО), на основе которой можно было бы начать формирование единой информационной среды образования. Этой системе уделяется большое внимание, как специалистами, так и представителями государственных структур. Существенное значение имеет разработка Федеральной целевой программы «Развитие единой образовательной информационной среды (2001-2005)», где основное внимание уделяется совершенствованию таких методов обучения, как дистанционное образование, электронные образовательные издания и ресурсы, а также реализации при помощи Интернета ряда преимуществ новых информационных технологий: интерактивности обучения, использования глобального коммуникационного обмена, возможности получения квалификации и ее повышения одновременно в нескольких городах или даже странах мира; возможности самостоятельной временной организации собственного процесса обучения. В российском Интернете существует несколько учебных заведений дистанционного образования, с разными учебными курсами и условиями оплаты. Бесплатным является, пожалуй, лишь Университет Информационных Технологий, в котором проводятся занятия по пяти самым востребованным сегодня учебным курсам в области компьютерных технологий. Однако существуют определенные препятствия на пути продвижения в нашей стране дистанционного Интернет образования, которые, по мнению специалистов, связаны со сложностью получения государственной аккредитации (79 % опрошенных); дефицитом поддержки администрации института (60 %); высокой стоимостью данных курсов (43 %); недостаточной развитостью инфраструктуры (31 %); высокой сложностью обучения персонала эксплуатации оборудования (23 %). Анализ тенденций, сложившихся в отечественной практике при проектировании системы дистанционного образования, свидетельствует также о том, что основной акцент в этих разработках делается на решение технических вопросов создания транспортных систем телекоммуникаций и электронных носителей информации (информационно-техническая подсистема), основанных на существующей учебно-методической базе. Однако при этом недостаточно внимания уделяется вопросам учебно-методического наполнения таких систем и психической адаптации преподавателей и студентов к новой форме обучения. В прошедшем веке образование заняло одну из доминирующих ступеней жизни об-

щества - сферой образования было подготовлено за вторую половину XX века больше специалистов, чем за всю предыдущую историю человечества. Сегодня очевидно, что будущее человечества связано не столько с развитием технологий, сколько с уровнем развития культуры, что ставит перед образованием не только задачу качественной подготовки специалиста, но подготовки специалиста, обладающего высоким уровнем культурной компетентности.

Параграф 1.4. - «Трансформация системы ценностей и мотивации деятельности в информационном обществе: от «экономических» ценностей – к «постэкономическим»» – посвящен анализу аксиологической сферы, испытывающей изменения в информационном обществе в соответствии с изменением характера деятельности человека. Трудовая деятельность в обществе знания как деятельность творческая принципиально индивидуальна и по средствам воплощения, и по результатам, и по мотивации, она нацелена на реализацию креативного потенциала и представляется значимой сама по себе, ее же результат, имеющий материальную форму воплощения, становится не более чем ее побочным продуктом. Побудительными причинами деятельности становятся не экономические императивы, а возможность творческой самореализации личности. При этом стремление к экономическому лидерству в значительной мере дополняется (а иногда и заменяется) стремлением к лидерству интеллектуальному, а финансовое превосходство начинает устойчиво ассоциироваться с интеллектуальным превосходством. В границах новой этики формируется критическое отношение к фордистской организации труда, к восприятию человека как части «машин», к оценке человека в категориях экономического императива, к авторитету власти, не подкрепленной авторитетом интеллекта. Это позволяет исследователям говорить о замене предметных целей непредметными; материалистических и экономических ориентиров – «постматериалистическими» (post-materialist) (Р. Инглхарт) и «постэкономическими» (post-economic) (Э. Тоффлер); «внешних» целей и задач – «внутренними» (У. Митчел); материальных ценностей (material needs) – человеческими потребностями (human needs) (В.Л. Иноземцев); стремления к материальным достижениям – стремлением к самовыражению в деятельности (Д. Янкевич). Появление «постматериалистических» ценностей обусловлено несколькими комплексами причин: (1) технологическим прогрессом и изменением характера производства, позволяющим преодолеть такие социальные бедствия, как голод и нужда; вследствие этого материальное благополучие начинает терять свое значение, а приобретают значимость проблемы безопасности, свободы, справедливости и ответственности (Дж. Хикс); (2) превращением науки и знания в производительную силу, что, в свою очередь, приводит к зависимости достатка от образования и повышению социального статуса образованных членов общества и значимости того стиля жизни, который им присущ; (3) престижностью новых технологий и смещением потребления в сторону информации, что стимулирует генерацию новых знаний.

Формирование новой системы ценностей в качестве тенденции проявило себя наиболее рано в США и Японии, где уже к середине 1970-х годов стала явно проявляться постматериалистическая мотивация труда. Те, кто разделяли подобные ценности, составляли тогда 25 % всего населения, а через 15 лет они

стали составлять уже 75 % всего общества. Изменение мотивации деятельности человека в информационном обществе приводит к трудностям управления коллективами, где традиционные – экономические – факторы управления становятся не эффективными и где управление представителями интеллектуального труда должно осуществляться так, как «если бы они были членами добровольных организаций» (П. Дракер), что трудно осуществимо на практике. Но эти трудности, по мнению автора диссертации, являются не самыми принципиальными. Трансформация ценностных приоритетов и изменение мотивации деятельности порождает новые конфликты в этих сферах, основанные на несовместимости этосов «профессионализма и себялюбия» (Д. Белл). Различия систем ценностей и мотиваций деятельности как культурные различия становятся новым конфликтопорождающим фактором, основанным на соотношении ценностей «монетарных» и «немонетарных». Наличие в обществе двух групп, исходящих из экономического и социального императивов, приводит к присутствию в обществе различных же критериев успеха (финансовое богатство – интеллектуальное лидерство), разных принципов и целей (личная выгода – гуманистические нормы), разной этики (утилитарной – экзистенциальной). Конечно, рабочие, деятельность которых включает интеллектуальную составляющую, уже образуют промежуточный социокультурный слой, представители которого совмещают фрагменты двух ценностных систем. Однако можно предположить, что поскольку элементы индустриальной экономики еще долгое время сохраняются даже в ведущих мировых информационных системах, постольку в обществе будут присутствовать те, кто мотивирован утилитарно и над-утилитарно. О сосуществовании двух систем свидетельствует и то, что провести четкую границу между сферами, построенными на производстве товаров и производстве услуг, не всегда представляется возможным – особенно, в сферах компьютерного программного обеспечения, видеопроизводства, проектировании микроэлектроники, сельском хозяйстве, основанном на биотехнологиях и т.д., где объединяется промышленное содержание производства с высокотехнологичной поддержкой продукта. Существование двух экономик находит отражение в таком феномене, как «прозьюмеризм» (от англ. «prosumer»), содержащего указание и на производство, и на потребление (Э. Тоффлер). Несомненная продолжительность «переходного периода» от одного типа ценностей к другим связана также с тем, что система ценностей достаточно инертна, а распространение постматериалистических ценностей будет осуществляться в соответствии с замещением новыми поколениями тех, которые придерживаются материалистических ценностных ориентаций.

Глава II – «Информационное общество как глобальная сетевая структура: социокультурные доминанты» – посвящена исследованию данного типа общества как феномена глобального и напрямую связанного с развитием Интернет-технологий.

В параграфе 2.1. «Социокультурные аспекты функционирования информационного общества: преодоление глобальных тенденций вариативностью развития на микроуровнях» - рассматриваются основные тенденции глобализации, которая трактуется как комплекс взаимообусловленных процес-

сов, связанных с переходом большинства экономически успешных стран от постиндустриального к информационному обществу и протекающих в экономической, финансовой, политической и культурной сферах. Сегодня созданы различные модели культурной глобализации в Европе и Америке (П. Бергер, С. Хантингтон), в Китае, Тайване, Японии, Индии (С.-Х. М. Сяо, Т. Аоки, Т. Шринивас), в Германии, Венгрии, ЮАР, Чили, Турции (Х. Кельнер, Х.-Г. Зофнер, Я. Ковач, А. Талавера, Ф. Кейман), где показана специфика вхождения в глобальное информационное общество стран с различной культурой. Ряд авторов (Р. Робертсон, М. Фичерстоун, М. Уотерс, В. Каволис, А.Ф. Зотов) говорит о существовании глобальной культуры как об уже свершившемся факте.

Оценивая глобализацию, можно отметить, что она способствует развитию мира как взаимосвязанного, основанного на принципах диалога культур и культурного плюрализма, представляя возможность многим странам преодолеть пределы своей этнической или национальной ограниченности, уменьшая чувство изоляции, открывая многим из них широкий доступ к знаниям. Между тем, можно отметить целую совокупность факторов развития, особенно, в области культуры, которые свидетельствуют о том, что глобализационный процесс достаточно противоречив. Это проявляется в том, что экономический разрыв между развитыми и развивающимися странами не сглаживается, а углубляется; глобальные проблемы современности пополняются угрозой терроризма, в том числе и ядерного; организованной преступностью; новыми болезнями наподобие СПИДа; обострившейся демографической ситуацией, сопровождающейся трудовой миграцией и усилением неравномерности плотности населения; гиперурбанизацией (И.В. Бестужев-Лада). Глобализация также становится одной из эффективных форм изъятия интеллекта, когда прогресс более развитого общества идет за счет деградации «осваиваемого», когда страна-донор утрачивает как интеллектуальные ресурсы, так и способность их производить (М.Г. Делягин). Если акцентировать внимание на социокультурных аспектах глобализации, можно отметить, что глобализация приводит к унификации культурных миров; разрушению базовых ценностей национальных культур; распространению ценностей либерализма и демократии, которые остаются чуждыми не-западному миру, особенно мусульманскому и конфуцианскому, однако, навязываются ему как политические универсалии; утверждению североамериканской массовой культуры как культуры лидера глобализации и – как реакция на эти процессы - активизации консервативного традиционализма и националистического фундаментализма; разрушению национальных языков, что приводит к трансформации национальной специфики мышления.

Глобализация становится фактором усиления международного неравенства, укрепляя информационно развитые страны и ослабляя те, которые только проходят барьер индустриализации. Причем, эти процессы захватывают как аутсайдеров, так и информационных лидеров. В частности, США, Сингапур и Финляндия как страны с информационными экономикami, еще 10 лет назад были сопоставимы по Индексу конкурентоспособности IMD и Индексу технологического развития ООН. В то же время, уровень социальной несправедливости у тех же стран различался многократно, где соотношение между доходами 20%

самых богатых и 20% самых бедных жителей в Сингапуре составляло 9,6; в США – 9,0; а в Финляндии – 3,6. В условиях же кризиса 1990-х гг. в Финляндии повысился уровень безработицы (до 9%), сократились расходы на социальные нужды, а в условиях рецессии, начавшейся в 2008 г., уменьшение социальной защищенности граждан еще более усилилось (П. Химанен, М. Кастелс).

Рассматривая глобализацию как наиболее существенную тенденцию современного экономического и культурного развития информационного общества, авторы различаются в своей оценке этого процесса. «Гиперглобалисты» – это американские авторы Най, Кеохане, Т. Фридман, С. Стрейндж, М. Дойл, японский исследователь К. Омае – выступают апологетами глобализации. По их мнению, глобализация несет блага рыночного капитализма и либеральной демократии, разделяя мир на два полюса – «победителей» и «побежденных». Сторонники второго, более взвешенного трансформационного подхода (Дж. Розенлау, Э. Гидденс) не настаивают на формировании единого глобального сообщества, но предрекают формирование новой мировой стратификации.

Несмотря на объективность глобализационных процессов, к концу 1990-х гг. стали очевидными тенденции, противостоящие универсализации и подтвердившие, что для информационного общества характерно многообразие, возведенное в принцип, связанное с расширением степеней свободы общества и проявляющееся не на глобальном уровне, а на микроуровнях. Оно проявляется в развитии плюрализма политических институтов, формировании множества социальных общностей, разрушении индустриальных классовых структур, жестко детерминированных экономическим основанием, гендерной революции, появлении движений в защиту меньшинств. То есть, глобальный мир как информационно связанный начинает развиваться по специфическим законам и подчиняется особым закономерностям. Основной из них является то, что тенденции глобализации в культурно-социальной сфере (в отличие от финансово-экономической) начинают вызывать тенденции локализации (ре-локализации), характеризующиеся акцентированием специфического, в отличие от всеобщего. По мнению У. Бека, понятие «глобально» может восприниматься как «во многих местах одновременно» или «транслокально». Примером подобной стратегии «глобальной локализации» или «локализма» является политика концернов Coca-Cola, Soni, McDonald's, которые, будучи проводниками глобализации, стремятся одновременно стать частью той или иной культуры, используя в своей деятельности особенности национальных традиций. Стремление к поддержке специфического, в противовес универсальному, проявляется в возможности разнообразными «меньшинствами» получения академической трибуны для выражения собственных позиций и взглядов. Такой трибуной стал Центр Культурных Исследований (Бирмингем), сформировавший в своем парадигмальном пространстве «дискурс меньшинств» как направление, связанное с принципом «политической корректности». Осознание мира как открытого привело к формированию и закреплению в документах ЮНЕСКО принципа культурного многообразия как условия сохранения и развития мира. Многообразие, проявляющееся как структурная сложность, проявляющаяся в неповторимости и многообразии особенностей, присущих группам и сообществам, составляющим

человечество, выступает источником обменов, новаторства и творчества, придает любой системе устойчивость и содержит значительный потенциал для ее саморазвития. Универсальность и жизнеспособность системы связаны с усложнением ее параметров – как организационных, так и структурно-функциональных, упрощение же этих параметров ведет к регрессу системы.

Если говорить об общих тенденциях, связанных с преодолением универсализации и вариативностью развития на микроуровнях, они, по мнению автора, таковы: на глобальном уровне – сопротивление универсализации, выражающееся в активизации этнических и локальных культур, признание вариантов глокальных культур в глобальной взаимосвязи, создание «транскультурных» (У. Бек) государств; на национальном уровне – дезактуализация национального государства и национальной культуры, что приводит к социальной фрагментации и ориентации на различные жизненные стили (фиксацию этих специфичностей осуществляют работы, выдержанные в духе *cultural studies*); на групповом уровне – интенсивность социокультурной жизни и информационных обменов, приводящие к изменению естественных механизмов преемственности и плюрализму целей, ценностей, картин мира; на личном уровне – персонализация и стремление следовать выработанным индивидуально практикам социокультурной активности. Таким образом, модель глобального мира как монополярного признается сегодня неустойчивой, нежизнеспособной, так как человечество – это многообразие культур и цивилизаций, моделей и стилей жизни, языков и диалектов, и именно это многообразие позволяет сохранять ему свою жизнеспособность.

Параграф 2.2. - «Интернет-элита как субъект социокультурного развития в информационном обществе сетевых структур» - посвящен анализу социальных отношений в информационном обществе, связанных с развитием сетевых технологий. Информационное общество М. Кастельс называет «сетевым обществом» или «обществом сетевых структур» (*network society*), имея в виду, что основные действия, предпринимаемые на основе информационных технологий, в глобальном масштабе «организованы в информационные сети, построенные вокруг бизнес-проектов и направленные на обработку информации». Однако понятие «сетевое общество» соотносится не только с его технической составляющей, но и с социокультурной, где важнейшим источником социальных трансформаций становится принадлежность к той или иной сети, а также динамика одних сетей по отношению к другим. Включение в сети осуществляется на основе общности кодов, в качестве которых в социальном и культурном пространстве выступают ценностные системы, мотивация деятельности, принципы целеполагания, картины мира и т.п. Управление сетями и доступом к ним становится и источником власти, где элиты информационного общества, формирующие специфику общества посредством управления сетевыми кодами, становятся субъектами контроля над такими важнейшими экономическими ресурсами, как скорость и дальность передачи информации. Таким образом, в мире сетей элита как «популяция взаимодействующая» (М. Кастельс) и способная выбирать свои мультинаправленные цепи коммуникации будет противостоять страте «включенных во взаимодействие», снабжаемых элитой ограничен-

ным количеством заранее «упакованных» вариантов выбора. Именно пространственные и временные характеристики («киберпространство» и реальное - «вневременное» время) становится одним из основных факторов конкурентоспособности, хотя, конечно, этот же временной фактор оказывается и наиболее уязвимой составляющей скоростной экономики, для которой скоростными оказываются как периоды роста, так и периоды спадов.

Это связано с тем, что глобальная экономика построена на электронной взаимосвязи финансовых рынков, функционирующих в режиме реального времени, что формирует такие ее характеристики, как подвижность, «системная волатильность», подверженность «информационным турбулентностям» (М. Кастельс). Для преодоления колебаний финансового глобального рынка необходима глобальная же система регулирования, которая не всегда может оказаться эффективной, так как интересы национальных элит и международной элиты не всегда совпадают. Это продемонстрировал глобальный финансовый кризис, начавшийся в середине 2008 г. (хотя реальные предпосылки его зарождения следует отнести к началу 2007 г.), эпицентром которого стала экономика США. Основой его возникновения стала потеря координированности рынка производных ценных бумаг (его объем превысил сотни триллионов долларов, что в сто раз превышает ВВП США) с рынком ипотечного кредитования и рынками капиталов в целом. Колоссальные вливания финансовых средств Федеральной резервной системы США в капиталы проблемных банков и компаний создали предпосылки для преодоления начавшегося системного кризиса. Однако причины, вызвавшие его (в первую очередь, бесконтрольное обращение на рынке производных ценных бумаг, а также возникших на их основе не обеспеченных реальными активами финансовых инструментов), устранены не были. Существует опасность, что данный финансовый кризис проявится в новых формах.

Возможно, именно эти обстоятельства позволили М. Кастельсу определить культуру информационного общества как культуру «реальной виртуальности», образующую систему, в которой реальный человеческий опыт погружается в систему виртуальных образов. В виртуальную среду в информационном обществе перемещаются не только экономики и финансы, образуя собственные сети взаимоотношений, формируя как экономические подъемы, так спады и кризисы; но также политика и политические партии, осуществляющие в сетевой среде борьбу за власть, голосование, размещающие воззвания и декларации; в Сети создаются виртуальные приходы, где можно исповедоваться виртуальному священнику, и виртуальные магазины, где можно пообщаться с продавцом и выбрать товар. Виртуализация охватывает не только сферу финансово-экономическую, политическую, сферу социальной жизни, но и научную, которая начинает существовать как разновидность игровой. Виртуальность влияет и на социальные отношения, где вершина социальных иерархий занимается теми, кто успешно использовал технологии манипулирования имиджами, ее же основание формируют те, кто стремится использовать возможности реальности. По мнению М.Г. Делягина, главное в глобализации - изменение предмета труда, направленного на изменение не природы, а человеческого сознания – и индивидуального и коллективного. Преобразование сознания становится одной из наиболее выгод-

ных форм бизнеса, приобщение к которой способствует формированию информационной элиты.

Естественно, что качество управления подобной высокоскоростной экономико-финансовой сферой требует высокой квалификации, значительного уровня подготовленности, интеллекта, оперативности памяти и мышления, креативности и способности к принятию нестандартных решений. Элита информационного общества, в значительной степени, есть элита университетов, которая и сформировала Сеть. Она вышла из мира американских университетов: первые узлы ARPANET были установлены в 1969 г. в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе, в 1970-1971 гг. - в Калифорнийском университете в Санта-Барбаре, в Стэнфорде, в университете Юты, в Массачусеттском технологическом институте в Гарварде. Большая группа «интернетчиков» в середине 1990-х гг. в Испании была сформирована на базе мадридского университета Universidad Complutense de Madrid и Политехнического университета Каталонии, в Финляндии в 2000 г. – на базе Технологического Университета Тампере. Международную элиту, которая стремится к созданию специфической глобальной, интернациональной культуры и становится при этом основным субъектом глобального развития, называют «яппи-интернационалом» (по П. Бергеру) или «давосской культурой» (по С. Хантингтону). Элиты используют мультимедиа для доступа к информации, политической деятельности и образованию, выбирая свои мультинепрерывные цепи коммуникации и формируя свое сообщество как пространственно ограниченную межличностную сетевую субкультуру.

В параграфе 2.3. – «Культура сетевых сообществ: активность малых социальных групп как социокультурная активность» - раскрываются особенности функционирования Интернет-сообществ. Принципы организации пространства, времени и взаимодействия, присущие Интернету, оказали весьма значительное воздействие на социальные процессы. Интернет фактически зафиксировал смену кибернетического принципа упорядочивания информации принципом синергетическим. Если первый поддерживает команду, исходящую из центра системы, то второй предполагает упорядочивание информации как процесс ее самоорганизации. Изменение системы трансляции кодов сообщений как определенной технологии привело к изменению всей социокультурной системы, которая также начала развиваться по законам, основанным на принципах децентрализации и деиерархизации. Воплощением этих принципов внеиерархичности стал Интернет, а его образом – ризома (Ж. Делез, Ф. Гваттари), наглядно представляющая сетевую интер- и гипертекстуальность. Эти социальные структуры состоят из значительного количества малых социальных групп, достаточно автономных по отношению к доминирующим смыслам культуры. Сегодня трудно представить Интернет только как «электронную библиотеку» или некое хранилище информации. Интернет давно стал тем пространством, где реализует свою активность значительная часть современного общества, причем, не только молодежь. Активным социокультурным творчеством занимаются представители самых различных социальных и профессиональных категорий - имеющие неполный рабочий день, надомные работники, домохозяйки, временно не работающие, работающие через телекоммуникации (teleworking), служащие

больших корпораций, использующие для неформального общения такие сети, как Интернет.

Один из подобных примеров представляет «деревня фанк», описанная шведскими авторами К.А. Нордстремом и Й. Риддерстрале. Подобные сообщества, существующие в сетевом пространстве и образующиеся на основе единых интересов, жизненных позиций и профессиональных знаний, связаны с различными проектами, где одним из первых стал проект Романа Лейбова «РОМАН», начавшийся 10 октября 1995 г. и вскоре завершённый. Подобные сообщества формируются на сайтах сетевой литературы Стихи.ру и Проза.ру., вокруг материалов фэндомов – это сообщество так называемых «народных переводчиков» ряда популярных произведений. Все эти сообщества опираются на принципы интерактивности, коллективности авторства и свободы самовыражения. Именно эти качества были в полной мере реализованы в таком родоначальнике жанра блогов и интернет-ресурсе сетевых дневников, как Живой Журнал (ЖЖ), появившийся в 1998 г. в Сан-Франциско, а в 2001 г. – в России и ставший символом демократии и гражданского общества. Данные сообщества построены на конвенциях, которые принимаются всеми его членами. Чем сообщество («коммюнити» - от англ. community - относительно постоянная группа людей, общающихся между собой в реальной жизни) сплоченнее, тем правила и стандарты поведения (в том числе, сленг, манера общения, формы приветствия, обсуждаемая тематика, свои «священные коровы» - герои и мифы) определеннее, и тем жестче они выполняются.

Как показано в работе, формирование социальной структуры, основанной на предельной стратификации, обусловлено самой природой информационного общества как развитой экономической системы, обладающей значительным запасом финансовой прочности, позволяющей сохранять достаточно высокий уровень жизни даже в кризисных экономических ситуациях. Одной из особенностей информационного общества является также то, что в нем происходит значительное сокращение времени, потраченного на производственную деятельность, и увеличение времени, потраченного на обучение. Еще исследования начала 1990-х гг. показали, что в развитых странах уровень трудовой активности мужчин в возрасте от 55 до 65 лет резко уменьшился и составил в США - 65% занятых, в Великобритании - 64%, в Германии – 54 %, во Франции - 43%. Таким образом, из 70-80 лет реального времени жизни рабочее время сокращается приблизительно до 30 лет (от 24 до 54). Процессы сокращения возраста, посвященного производительному труду, приводят не столько к серьезным экономическим, сколько социальным последствиям. Старость, которая ранее рассматривалась как заключительная стадия жизни, фактически означавшая «социальную смерть», в информационном обществе становится весьма дифференцированной. Теперь «третий возраст», соответствующий фактически трети жизни, расширил свои границы, включив в себя «ранних» и «средних» пенсионеров, дееспособных и недееспособных пожилых людей. Иными словами, уход с рынка труда сегодня не означает социальной старости, но в значительной степени связан с реализацией в рамках сетевого творчества накопленного чело-

веком в течение всей жизни социального, культурного и коммуникационного капитала.

По существу, сетевое общество нивелирует ритмичность - как биологическую, так и социальную, связанную с понятием жизненного цикла (М. Кастельс), подходя к решению социальной проблемы, связанной с невключенностью значительного количества людей в производственную, а значит, социокультурную деятельность. Это оказалось возможным в виду того, что сетевое общение не ограничено рамками функциональными, социальными, субкультурными, пространственными, временными, био-социальными. Оно помогает человеку сохранять автономность и анонимность, будучи представленными внефункционально.

В **Заключении** подводятся итоги исследования и намечаются пути дальнейшего развития темы.

**Основные выводы и положения диссертационного исследования
изложены в следующих публикациях:**

1. Костин А.В. Противоречия развития культуры информационного общества: социальный и ценностный аспект // Знание. Понимание. Умение. 2009, № 4. С. 223-228. (0,5 п.л.).

2. Костин А.В. Изменение мотивации деятельности в информационном обществе // Этносоциум и межнациональная культура. 2009, № 7 (23). С. 110-117. (0,5 п.л.).

3. Костин А.В. Информационное общество как сетевое общество // Этносоциум и межнациональная культура. 2010, № 1 (25). С. 102-112. (0,6 п.л.).

4. Костин А.В. Коммуникация в Интернете: социокультурный аспект функционирования // Научные труды Московского гуманитарного университета. Вып. 88. М.: Социум, 2008. С. 141-147. (0,4 п.л.).

5. Костин А.В. Знание как основа социального неравенства в информационном обществе // Знание. Понимание. Умение. Электронный научный журнал. 2009. № 4. Портал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере СМИ и охраны культурного наследства. Свидетельство о регистрации: Эл. № ФС77-25026 от 14 июля 2006 г. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/4/kostin/>

6. Костин А. В. Социальное неравенство в информационном обществе // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2010, № 114. С. 116-122 (0,4 п.л.).

7. Костин А.В. Экономическое и социокультурное неравенство в глобальном информационном обществе как фактор кризисного развития // Політичні і правові проблеми становлення і розвитку держави на пострадянському просторі. Матеріали міжнародної науково-практичної конференції м.Харків, 26 червня 2009 р. / редкол. Ю.П. Битяк, І.В. Яковюк, Г.В. Чапала. Х.:НДІ держ.буд-ва та місц. самоврядування, 2009. С. 157-162. (0,5 п.л.)

8. Костин А.В. Исследование информации и информационного общества в рамках синергетической парадигмы // Научные труды Московского гуманитарного университета. Вып. 116. М.: Социум, 2010. С. 129-137. (0,4 п.л.).

9. Костин А.В. Активность социокультурного творчества как особенность культуры информационного общества // Научные труды Московского гуманитарного университета. Вып. 101. М.: Социум, 2009. С. 154-162. (0,55 п.л.).

10. Костин А.В. Образование как источник социального и культурного неравенства в информационном обществе // Научные труды Московского гуманитарного университета. Материалы XIV конференции аспирантов и докторантов. Вып. 103. М.: Социум, 2009. С. 144-155. (0,55 п.л.).

11. Костин А.В. Явления локализации и кризис идентичности в глобальном информационном обществе // Культура глобального информационного общества: противоречия развития: сб. науч. статей. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2010. С. 348-357. (0,5 п.л.).

12. Костин А.В. Социальная дифференциация в информационном обществе и ее отражение в концепции М. Кастельса // Научные труды Московского гуманитарного университета. XV Конференция аспирантов и докторантов. Вып. 119. М.: Социум, 2010. С. 150-159. (0,4 п.л.).

